

ГЛОБАЛИСТИКА И ФУТУРОЛОГИЯ

*В.Н. КОНЫШЕВ***Война как средство политики:
современные американские подходы**

Проблема войны в истекшем десятилетии не раз оказывалась в фокусе внимания политических наук. Ожидалось, что в условиях однополярного мира она уступит место экономическому соревнованию и ненасильственным формам влияния. Однако очень скоро проявилась тенденция к хаосу и непредсказуемости в развитии международной системы. В итоге круг решаемых силой задач даже расширился, появились новые виды войн (гуманитарные интервенции, операции по установлению и поддержанию мира, антитеррористические операции), а использование военной мощи единственной сверхдержавой – США – вышло за рамки международных норм, закрепленных в уставе ООН. Все это делает актуальным переосмысление ряда вопросов, связанных с тем, для чего и как военная сила будет применяться в ближайшем будущем. Анализ взглядов американских экспертов о роли войны в политике, об особенностях современной войны, военной стратегии и способах ведения боевых действий и посвящена эта статья.

Согласно одной из формулировок К. фон Клаузевица, война "представляет собой до известной степени пульсацию насилия, более или менее бурную" [Клаузевиц, 1997, с. 55], которое обычно принято сводить к организованной вооруженной борьбе между армиями двух или более стран. Важно, однако, обратить внимание еще на одну грань теории немецкого стратега, указавшего на совершенно определенное различие между войной как идеей и войной практической.

Эта мысль весьма актуальна в связи с либеральной критикой Клаузевица, объявляющей его построения устаревшими, в частности, ввиду несоответствия между учением немецкого стратега и методами ведения современных войн или снижением вероятности развязывания масштабных боевых действий. На основании всего этого делается вывод об изменении самой природы войны. В частности, утверждается, что как политическое средство она все менее актуальна в условиях глобализации и торжества либеральной демократии в наиболее развитых и сильных государствах. Общества данных стран не будут мириться с ростом военных расходов, и это – свидетельство радикального изменения роли силовой составляющей в политике [Muel-er, 1989].

Другое направление критики традиционного подхода к войне как средству достижения политических целей восходит к представлениям о постмодернистской стадии раз-

вития США¹. Для эпохи постмодерна нехарактерна ориентация на массовую армию, обороняющую свою территорию. Ее приоритеты – компактные вооруженные силы для участия в рамках временных коалиций в миротворческих операциях, а также минимизация потерь за счет наращивания технологического преимущества. Крупномасштабные операции, проводимые Соединенными Штатами в Персидском заливе, рассматриваются как атавизм "холодной войны". Отсюда следует вывод о необходимости создания новых, "постклаузевицанских" военных стратегий [Boyer, Wood, 1998, p. 14–15, 20–21; Luttwak, 1995, p. 109–122].

Мне же представляется, что взгляды Клаузевица о сути войны, напротив, вполне адекватны реалиям сегодняшнего дня прежде всего потому, что рассматриваемая категория раскрывается посредством более обобщенного понятия "абсолютная война". Последняя имеет имманентные тенденции (крайности): неограниченная эскалация противоборства, стремление к полному поражению противника, мобилизация всех имеющихся средств и сил. Внесение принципа ограничения и умеренности в сущность войны – абсурдно. Рост культуры несколько не парализует и не отрицает заключенного в самом понятии войны стремления к истреблению противника. "Под естественной тенденцией войны мы подразумеваем только философскую, собственно логическую тенденцию, а не тенденцию действительных сил, находящихся в столкновении... война, как она протекает в действительности, часто значительно отличается от ее начального, отвлеченного понятия" [Клаузевиц, 1997, с. 56, 61].

Важно также отметить, что для немецкого стратега теория войны и практическое использование силы отнюдь не совпадают. Поэтому он допускал возможность "абсолютной" войны в действительности, но вовсе не в качестве "наиболее эффективного продолжения политики", а как ее мыслимый и вполне возможный в реальной жизни предел. Цели, характер и средства конкретной войны должны определяться только исходя из учета особенностей данной эпохи и политических обстоятельств, а не из того соображения, что тотальная война – универсальное средство решения политических проблем. Нынешние оппоненты Клаузевица, указывающие на несоответствие современных реалий категории "абсолютной войны" и на этой основе считающие его учение устаревшим, в действительности смешивают философию и опыт.

Более того, из построений Клаузевица явствует, что на практике цели войны могут быть достигнуты вообще без ведения боевых действий с помощью иных средств: политического давления, нейтрализации союзников, износа и разрушения армии противника, истощения его физических сил и воли. Если для абстрактной войны главное – поражение вооруженных сил, захват территории и подавление воли противника, то в случае реальной войны полный разгром и оккупация территории вовсе не обязательны. "Преодолеть противника... не что иное, как уничтожить его вооруженные силы смертью, ранами или же каким-нибудь способом, будь то раз и навсегда или в такой лишь мере, чтобы противник отказался от дальнейшей борьбы... Уничтожение неприятельских вооруженных сил и разгром неприятельской мощи достигается лишь в результате боя, действительно имевшего место или предложенного, но не принятого". Так что реальная война, не изменяя своей природе, "может воплощаться в весьма разнообразных по значению и интенсивности формы, начиная от войны истребительной и кончая выставлением простого вооруженного наблюдения" [Клаузевиц, 1997, с. 257, 195, 46].

В этой связи, говоря, например, о "продолжительном мире" между СССР и США в период "холодной войны", было бы ошибкой терять из вида смысл и контекст тех событий, диктуемый спецификой эпохи. Деление методов противостояния на воен-

¹ Постмодерн ассоциируется с эрозией национальной и культурной идентичности, со снижением социально-политического единства общества, с переходом национальной экономики от производства к регулированию глобального рынка через господство в финансовой и информационной сфере, с устареванием института государства в виде чрезмерно централизованного бюрократического механизма.

ные и невоенные достаточно условно, потому что их действительное значение определяется политической реальностью в зависимости от конкретных условий и целей. Ограниченное же место военной мощи в современных международных отношениях вовсе не означает, будто она перестает быть фактором, обуславливающим применение силовых методов. Сила – многовекторна, и примет ли она военную или иную форму, не меняет существа политики. В определенных условиях великим державам, действительно, нет необходимости обеспечивать свои интересы военными средствами, ибо результат достигается дипломатическими и экономическими путями, демонстрацией мощи или угрозами. Однако подобные "альтернативные" методы эффективны настолько, насколько сильно использующее их государство. "Пацифисты" же обычно смешивают полезность силы как таковой и издержки ее применения, ссылаясь в своих рассуждениях на последние как на критерий устаревания силовой политики. Между тем важнейшая функция силы в условиях биполярного мира как раз заключается в том, что великим державам удавалось поддерживать *status quo* без прямого военного противоборства.

Наконец, важно иметь в виду, что военная сила – лишь атрибут, а не синоним власти, и ее использование в международных отношениях не равно установлению политического контроля. Сила сама по себе способна обеспечить лишь удержание территории. И если государство-завоеватель не в состоянии установить там свою политическую власть, это – не показатель его военной слабости. Военная победа и управление оккупированными областями – разные вещи: именно с этой антитезой столкнулись США, быстро разгромившие режим С. Хусейна, но пока не сумевшие закрепить свой успех на поле боя адекватными политическими решениями.

Одним словом, со времен Клаузевица сущность войны не изменилась. Другое дело, что в начале XXI в. как практическое средство она приобрела иную специфику, зависящую от нынешнего характера вызовов, уровня развития военной техники и способов ведения боя. Военная сила остается политически востребованной в связи с тем, что США столкнулись с непредсказуемыми и подчас трудно локализуемыми угрозами. Нестабильность постбиполярного мира обусловлена многими обстоятельствами. Среди них – ослабление военных блоков и политических коалиций, сопровождаемое децентрализацией процессов принятия решений; усиление экономического неравенства государств, а вслед за ним эрозия многонациональных государств; рост национализма и сепаратизма; более самостоятельная политика союзников США после ликвидации общей угрозы в виде СССР; распространение оружия массового поражения.

Шок от терактов 11 сентября 2001 г. обусловил актуализацию восприятия войны "как продолжения политики другими средствами", в том числе и на военно-доктринальном уровне. Четко обозначившийся после этого события сдвиг в сторону односторонней политики имеет глубокие основания, связанные с глобальным лидерством США после окончания холодной войны. Террористическая атака лишь ускорила политическую эволюцию в данном направлении. Наметилась и определенная утрата интереса США к НАТО, связанная с растущим разрывом в системах вооружения, разведки и управления боем, относительно невысокой эффективностью войсковых подразделений НАТО даже в случае их прямого переподчинения Пентагону, а также необходимостью коллективных решений внутри альянса, которая все более тяготит США [Gnessoto, 2002–2003, p. 99–101].

Но хотя крупномасштабные, связываемые с выживанием боевые действия сегодня не актуальны для США и их ближайших союзников, война в отношениях с теми, кто не входит в "золотой миллиард", все-таки остается вполне приемлемым выбором в политике. Прогресс в военном деле способствует укреплению мнения, что на место войны по Клаузевицу приходит управляемая война. Исходя из практики 1990-х гг., выделяют пять ее ключевых признаков:

– контролируемая локализация военных действий, позволяющая опираться на экспедиционную стратегию и структуру вооруженных сил;

- нацеленность не на все общество государства-противника, а только на его политическое руководство или политический режим;
- минимизация косвенных потерь противника от военных действий;
- минимизация рисков для западных обществ и их армий;
- убеждение, что поражение вооруженных сил противника не является более главной целью и необходимым условием победы [McInnes, 2002, p. 143].

Все это указывает на то, что проблема войны для США и их союзников сдвинулась на периферию – в страны, переживающие переходный период, а также государства-неудачники и государства-изгои [Holsti, 1996, p. 207]. Причем соблазн силовых решений в отношении подобных противников отчасти усиливается рядом резолюций Совета Безопасности ООН, которые способствуют размыванию суверенитета других стран и международно-правовых критериев применения военной силы². Вследствие чего основное внимание американских экспертов теперь обращено не на обычные войны, которые происходят между государствами, а на так называемые внутренние войны, не имеющие четкой локализации и легко пересекающие границы³.

Вмешательство во внутренние войны несет с собой немалые риски даже для самых мощных государств. Дело в том, что не всегда легко определить политические цели, ради которых они ведутся. Мотивы подобных войн не всегда рациональны, так как воюют не государства, а "территории", "группировки" или "кланы". В таких столкновениях практически отсутствует военно-политическая стратегия, зато в избытке присутствует нетрадиционная тактика. Это затрудняет формулирование ясных целей, задач и средств для военного вмешательства извне [David, 1998, p. 78–79; Snow, 1996, p. 1–3, 75–78, 102, 144–146]. Ярким примером сказанного служит провал интервенции США в Сомали в 1992 г., когда американские войска чаще имели дело не с профессиональной армией противника, а с проблемами голода и защиты гражданского населения.

Но, как бы то ни было, поскольку военные действия США намерены вести на нестабильной "периферии", американские стратеги разрабатывают переход концепции "от тотальной войны к войне без риска и далее к войне без потерь" [Hassner, 2002]. Такого рода войны ведутся "дистанционно", и вероятность их распространения на свою территорию или Западную Европу считается незначительной (без учета асимметричных атак террористов). В связи с чем, благодаря внедрению стелз-технологий, управляемых бомб, совершенствованию систем космической связи и управления боем, все большую значимость приобретают военно-воздушные силы. Акцент делается на достижение победы путем разрушения военной силы, военно-промышленных объектов и систем управления противника с минимальными жертвами среди гражданского населения и хозяйственных объектов. Захват территории в ряде случаев попросту теряет прежнюю важность. Главной задачей становится принуждение противника утратить военно-стратегический контроль с последующей капитуляцией, причем победа все более измеряется успехом в достижении политических целей военной операции, достигнутым малой кровью [Pape, 1996, p. 10, 15; Levite, Sherwood-Randall, 2002–2003, p. 91].

Подобный контекст задает несколько ключевых направлений, в рамках которых осуществляется американское политико-стратегическое планирование, а также ведутся дискуссии о характере будущих войн. **Во-первых**, это – роль отдельных видов вооруженных сил и их взаимодействие, осуществляемое в виде совместных (*joint*)

² Санкционирование военной интервенции в Сомали в 1992 г. без согласия правительства; создание невоенных "коридоров" и запрещенных для полетов зон в Боснии и Ираке в первой половине 1990-х гг.; интервенция против Югославии в 1999 г.

³ После Второй мировой войны подавляющее большинство вооруженных конфликтов относят именно к этому типу, и тенденция к снижению их числа не наблюдается. Среди них выделяют гражданские, за предел власти, и негражданские, которые имеют этнорелигиозную основу, отличаются особой жестокостью и не всегда определенной политической целью. Негражданские вооруженные конфликты иногда отождествляются с терроризмом [Kolodzei, Kanet, 1996, p. 15; Sivard, 1993, p. 21; Prins, 2002, p. 49–94].

операций, которые подразумевают участие авиации, флота и сухопутных сил в планировании и ведении боевых действий на стратегическом и тактическом уровне. Такая увязка позволяет получить наибольший эффект по принципу синергизма.

Как отмечают американские военные эксперты, сегодня авиация решает самый широкий спектр задач, поскольку она – наиболее мобильный и наиболее гибкий по спектру решаемых задач вид войск, дешевый по стоимости и наименее рискованный. В последние 20 лет ВВС совершенствовались самыми быстрыми темпами и вносили наибольший вклад в совместных операциях. Высказывается мнение, что стратегические бомбардировки останутся одним из важных инструментов (но не панацеей), привлекательных для политиков и военных тем, что это – автономные операции, которые проще планировать и согласовывать. Они значительно дешевле длительных наземных и морских кампаний, не говоря о том, что вызывают меньше протестов в общественном мнении страны [Lambeth, 2000, p. 6; McInnes, 2002, p. 80–81]. В недалеком будущем взаимодействие военной авиации с другими видами войск еще более расширится: по-видимому, образуется гибрид в виде воздушно-космических сил. Стоимость военных объектов США, находящихся сегодня в космосе, оценивается в 100 млрд долл. Спутниковые системы становятся интегральной частью военных операций, от стратегических до тактических. Но, несмотря на тенденцию к интеграции, ВВС сохраняют и самостоятельное значение [Strategic... 1999, p. 303]⁴.

Впрочем, вряд ли следует ожидать радикального уменьшения роли сухопутных войск, которые несут основную нагрузку по обороне, а также необходимы для установления контроля над территорией противника. От успеха общевоинской фазы операции зависит успешность последующих этапов борьбы с партизанскими и другими военными формированиями. Тем не менее в современных вооруженных конфликтах локального масштаба США все чаще предпочитают использовать силы специального назначения. Они существуют и в сухопутных войсках, и в авиации, и на флоте⁵ и подчиняются единому командованию, которое по статусу приравнено к региональным командующим. Эти войска приспособлены для решения задач, выполняемых в условиях войны и в мирное время. Причем спецназ призван действовать так, чтобы снизить вероятность эскалации военного конфликта и одновременно получить максимальный результат. От обычных подразделений спецвойска отличает дополнительная подготовка, необходимая для борьбы с террористами и ведения открытых или тайных "нетрадиционных войн" (*unconventional warfare*). В это понятие входит оказание помощи "дружественным" повстанцам, сепаратистам и движениям сопротивления, которые действуют в других странах. Спецназ обучает и снаряжает боевиков и тайных агентов; организует саботаж и диверсии; помогает союзникам в налаживании сетей по снабжению и переброске людей внутрь и за пределы государства, где происходит нетрадиционная война. И хотя целостной ее доктрины пока не существует, американские военные ожидают ее появления, поскольку "в ближайшее десятилетие подобные миссии приобретут первостепенное значение". По их данным, в среднем около 2500 военнослужащих спецназа постоянно выполняют соответствующие задания в 40–50 странах мира [Collins, 1996, p. 3–7, 68, 132, 175–176].

Морские же силы с учетом намерения побеждать посредством нанесения ударов преимущественно по военным объектам в настоящее время имеют наименьшее значение среди других родов войск. Они рассматриваются преимущественно как обеспечивающие успех авиации и экспедиционных сил. Флот эффективен в первую оче-

⁴ К примеру, по проекту "Фалькон" предполагается создать самолет, способный с территории США выходить в космос и наносить удары по любой точке планеты. В случае успеха проекта американцы гораздо меньше будут нуждаться в военных базах за рубежом и поддержке союзников – как стратегических, так и региональных.

⁵ В морской пехоте аналогом спецназу считаются экспедиционные подразделения (*marine expeditionary units*).

редь как средство защиты собственных коммуникаций и блокады против стран, которые слишком зависимы от морской торговли [Pape, 1996, p. 3, 39–40, 316–318, 326–327; McInnes, 2002, p. 86–87].

Во-вторых, в концепции современной войны особое значение придается использованию достижений информатики в управлении боевыми действиями. В широком смысле информационная борьба применялась человечеством с самых давних времен. Узкое же ее понимание сводится к специфике информационной подготовки и ведения современных боевых действий. Содержательно информационная борьба включает в себя физическое разрушение гражданских и военных систем управления, связи и средств радиоэлектронной борьбы противника, а также проведение операций по дезинформации и манипулированию поведением армии противника, населения и военно-политического руководства [Thomas, 1996; Комов, 1997; Пирумов, Родионов, 1997].

Последний вид информационного воздействия является наиболее сложным: он носит долговременный характер и направлен на саморазрушение враждебного государства. В основе этого так называемого "организационного оружия" лежат "рефлексивные технологии управления". Они состоят из внедрения методов принятия решений, подбора кадров, планирования, отчетности; социально-политических и экономических концепций развития, полезных для себя, но разрушительных для противника, которые предлагаются ему под видом "нововведений" и порождают неразрешимые конфликты, способствуя внутривластному хаосу. Сюда можно отнести создание условий для управляемых извне экологических катастроф; инспирирование межнациональных распри и экономических кризисов; поставка устаревших и вредных технологий; внедрение стереотипов поведения, которые противоречат национальным традициям и разрушают историческую память народа. Весьма актуальным становится установление прямого или косвенного контроля над средствами массовой информации противника и оформлением информационных потоков, идущих извне. "Оргоружие" может оказаться очень эффективным, когда оно воздействует достаточно продолжительно [Ловцов, Сергеев, 1999, с. 34–40].

Внедрение информационных технологий в военное дело обеспечивает принципиально новый способ эффективной организации, управления и планирования усложнившимся военным механизмом. Системы командования, связи, разведки и наблюдения объединяются в единую сеть, которая позволяет принимать решения и управлять боем в режиме реального времени. Принятие решений меньше нуждается в прохождении через всю иерархию командного звена и в значительной мере происходит в горизонтальной плоскости – между командирами одного уровня. Разведка ориентируется не просто на сбор и анализ информации, а на прогноз ближайших действий противника. Военные подразделения, рассредоточенные в пространстве, в то же время интегрированы с точки зрения управления боем. Они малоуязвимы для противника, маневренны и обладают высокой поражающей способностью. Небольшие подвижные группы войск способны использовать мощные арсеналы оружия, которые находятся вне зоны боевых действий. Вместо концентрации огневой мощи на главном направлении достигается ее сосредоточение с разных направлений в нужную точку. При этом точность поражения мало зависит от дальности [Kugler, Binnendijk, 2002, p. 72–73]. Таким образом, современный бой можно вести даже без непосредственного соприкосновения основных сил с противником и значительно уменьшить собственные потери.

Снизить издержки американского общества в информатизации военного дела позволяет широкая кооперация с разработчиками соответствующих технологий в гражданском секторе, которая развивается чрезвычайно быстро. Используя эти достижения, США в течение ближайшего десятилетия намерены достичь способности наносить поражение любому противнику без наращивания значительного превосходства в вооруженных силах непосредственно на театре военных действий. В свете этой тенденции показательно, что во второй кампании против Ирака в 2003 г. США использовали военную группировку в два раза меньшую по численности, чем в 1991 г.

Предполагается, что информатизация даст преимущества и в борьбе с противником, обладающим ядерным или другим оружием массового поражения, а также в конфликтах малой интенсивности и специальных операциях (см. [MacGregor, 1999; Cooper, 1992]). Наиболее оптимистичные оценки американских экспертов выразились в появлении концепции "стратегического информационного противоборства" (*strategic information warfare*). Она состоит в достижении стратегических целей не путем масштабного применения традиционных вооруженных сил, а через использование в комплексе с небольшими мобильными ударными силами всей доступной информации самого различного характера: о противнике, о своих силах, об окружающем пространстве. Согласно рассматриваемой доктрине, наибольшее значение имеет не столько прямое огневое поражение, сколько достижение такого психологического эффекта, который вынуждал бы противника принимать навязываемые ему решения [Гриняев, 2003, с. 4].

Радикальные поборники применения "киберметодов" в военном деле обычно наиболее рьяно отстаивают идеи кардинального изменения характера современной войны. Они абсолютизируют ее новые признаки: переход от противоборства на поле боя к борьбе информационных технологий; превращение средств информационного противоборства не просто в самую важную составляющую структуры вооруженных сил, но в цель войны [McInnes, 2002, p. 123]. В действительности же ситуация выглядит куда более сложно. Во-первых, перспективы развития вооруженных сил США основаны не только на использовании чистой информатики, а на комплексе научно-технических достижений, и включают в себя:

- внедрение электронно-вычислительной техники, робототехники, информационных сетей в системы вооружений и управление боем;
- совершенствование систем обнаружения (*sensors*) для достижения "прозрачности" поля боя;
- наращивание неуязвимости, быстроты, эффективности, поражающей способности систем оружия и боевых частей;
- развертывание и внедрение новых типов оружия, таких как космическое, направленные пучковое, оружие с использованием биологических факторов и носителей (*advanced biological agents*).

Эти шаги должны привести к качественному скачку, который обозначают термином "революция в военном деле" (*revolution in military affairs*), сравнимым с моторизацией вооруженных сил в 1930-е гг. или появлением ядерного оружия в конце 1940-х гг. (см. [Cohen, 1997]).

Во-вторых, некоторые американские эксперты считают, что ожидаемые от "военно-информационной революции" преимущества едва ли будут достижимыми в ближайшие годы. По крайней мере, саму ее они склонны рассматривать не как скачкообразное изменение качества, а как постепенную эволюцию. Согласно такой, пессимистической, точке зрения, поле боя никогда не станет достаточно прозрачным для командиров, несмотря на все достижения науки. Об этом говорит опыт применения бомб с лазерным наведением в Косово, когда несложная маскировка позволила сербам сохранить тяжелую технику и избежать потерь. Другое ограничение связано с тем, что любая революция в военном деле, будучи технологией, не заменит и не компенсирует ошибочное политическое решение. Роль информации не стоит преувеличивать и в том смысле, что исход боя все равно решается не в кибернетическом пространстве, а в реальном противоборстве вооруженных сил. Наконец, достаточно трудно предвидеть последствия в случае, если противник, не обладающий сравнимыми технологиями ведения боя, выберет стратегию асимметричного ответа [O'Hanlon, 2000, p. 2–4, 31].

В-третьих, продолжаются дискуссии относительно роли ядерного оружия, которым обладает все большее количество стран, причем уже не обязательно из числа наиболее развитых и стабильных (в частности, Пакистан, Индия). Всего же в настоящее время около 25 государств в состоянии создать собственное оружие данного типа. Но многие из них по разным причинам воздерживаются от этого, и, скорее всего, в ближайшие десятилетия к ядерному клубу присоединятся не более одной–двух стран, да и вряд ли их арсеналы будут велики.

К оружию массового поражения сложилось неоднозначное отношение еще в годы "холодной войны". Все осуждали абсурдность огромных ядерных запасов, но при этом одни эксперты указывали на его определенную сдерживающую роль в отношениях между великими державами [Waltz, 1981, p. 575–578; Waltz, 1990, p. 731–745]. Другие же, напротив, делали упор на крайнюю непредсказуемость последствий, порождаемых надеждой на безответный превентивный удар [Evera, 1999, p. 253–254]. В настоящее время в США по-прежнему преобладает точка зрения, что ядерные силы выполняют сдерживающие функции в отношениях между всеми государствами и потому снижают порог обычной войны. В подтверждение данной позиции ссылаются на логику развития последней конфронтации Пакистана и Индии. Считается, что и лидеры государств-изгоев из рациональных соображений не станут применять это оружие в наступательных целях. Ведь ответный удар даже в случае личного физического выживания этих лидеров будет означать для них политическую смерть из-за огромных потерь среди населения. И надо сказать, что лидеры, воплощающие в глазах американцев непредсказуемость и зло, как раз поступают сообразно логике сдерживания. Тот же Хусейн в ходе войны в Заливе в 1991 г. наносил удары по Израилю ракетами СКАД, но они не были оснащены боеголовками, способными вызвать значительный ущерб. Не говоря уже о том, что само вторжение Ирака в Кувейт произошло только после неоднократных знаков со стороны США о молчаливом невмешательстве [Interview... 2000].

Однако концепция сдерживания работает до тех пор, пока субъект политики, обладающий ядерным или другим оружием массового поражения, ведет себя рационально, то есть, как минимум, претендует на сохранение своей государственности. Поэтому она применима к государственным образованиям, но не к террористическим или экстремистским организациям. В этих случаях для субъекта политики проблема структурированной власти неактуальна, его цель деструктивна, часто сопряжена с мстостью и сводится к разрушению. В то же время, чем дальше развивается научный прогресс, тем более доступной становится технология изготовления оружия массового поражения. Во всяком случае, ядерное разоружение государств видится американским экспертам перспективой маловероятной, а процесс медленного распространения ядерных технологий, пусть самых примитивных, неизбежным. В связи с этим показательно, что ближайшее окружение президента Дж. Буша-младшего рассматривает ядерное оружие как средство не только сдерживания, но и возмездия [Prins, 2002, p. 239; Levite, Sherwood-Randall, 2002–2003, p. 87].

В-четвертых, после событий 11 сентября 2001 г. актуальным направлением американского стратегического планирования стало обеспечение внутренней безопасности. В программы военного развития в этой сфере срочно были внесены коррективы: особое внимание стало уделяться защите информационных сетей, ориентации вооруженных сил на упреждающие действия, повышению качества разведки за счет улучшения межведомственного взаимодействия, сотрудничества со спецслужбами других стран и своевременного определения важнейших целей. В условиях малой предсказуемости угроз национальной безопасности намечается отход от единого и жестко контролируемого сверху плана реагирования на них, а также определенный отказ от ядерных сил как единственного стержня обороноспособности страны. Адаптация вооруженных сил к условиям XXI в. стимулирует и переориентацию планов военного строительства с долгосрочных на среднесрочные (6–10 лет) перспективы. За счет всего этого предполагается достичь необходимого баланса между поддержанием высокого уровня боеготовности и постоянным освоением новой техники [Kugler, Binnendijk, 2002, p. XX–XXI, 79].

Атака террористов на торговый центр в Нью-Йорке также способствовала обострению дискуссий об эффективных методах ведения современной войны. С одной стороны, это стремление минимизировать использование военной силы, с другой – необходимость превентивных ударов, включая убийство внушающих опасность политических лидеров. Проблему выбора усугубляет тенденция к нестандартным способам нанесения ударов со стороны противника, не обладающего сопоставимой с Америкой военной мощью [Levite, Sherwood-Randall, 2002–2003, p. 90].

Изменения в доктринах, военной стратегии и тактике США, наконец, связаны и с возрастающей быстротечностью боевых действий и отказом от предварительного создания массированных группировок на театре боевых действий. С точки зрения планирования и управления военные операции будут разворачиваться не последовательно, а параллельно. Они будут связаны информационным полем, позволяющим принимать решения в режиме реального времени. Оперативное мышление в таких условиях перестает быть линейным, основанным на предварительной и тщательной проработке деталей поражения врага огневой мощью. Современная ситуация все чаще требует мышления "нелинейного, опирающегося на маневр и быстрое рассеивание сил противника" [Kugler, Binnendijk, 2002, p. XIX].

Конечно, это не означает, что на практике США будут вести войну именно так, как задумано стратегами: противник может попросту не принять подобных "правил игры". Так, в войне против Югославии в 1999 г. США довольно быстро перешли от бомбардировки военных объектов к разрушению всей хозяйственной инфраструктуры после того, как увидели, что сербы не собираются сдаваться в соответствии с разработанным сценарием.

В ходе оккупации американскими войсками Ирака в 2003 г. в очередной раз проявился новый тип военного конфликта. США столкнулись с гибридом партизанской и террористической войн. Американское командование не в состоянии найти эффективные меры, чтобы остановить рост числа нападений иракцев на оккупационные войска. Руководство этими боевыми отрядами осуществлялось отнюдь не свергнутому президентом Хусейном или его окружением, поэтому единого фронта партизанской борьбы не существует. Вдобавок, кроме военных нападений, проводятся акции террора, в которых гибнут и американские солдаты, и иракское население. Теракты направлены уже не столько на немедленное освобождение Ирака, сколько на превращение его в новый Афганистан. Террористы не имеют централизованного руководства, а управление ведется по так называемому сетевому принципу. В таком случае ликвидация любого из очагов сопротивления не приводит к победе, а дальнейшее увеличение оккупационной армии вряд ли окажется по силам США [Мясников, 2003, с. 2].

В операциях по борьбе с терроризмом и против политически нестабильных государств еще сложнее регламентировать масштаб использования военной силы и учесть политические последствия. Здесь мало что остается от "идеальных" рецептов ведения войны: размывается различие между мирными жителями и солдатами; нет места дипломатии; исчезают критерии пропорционального применения силы. Не случайно традиционные военные действия стали играть относительно меньшую роль, уступив место миротворчеству, принуждению к миру, специальным операциям [Holsti, 1996, p. 15; Kaldor, 1999, p. 7–9; Wijk, 2002, p. 80–81].

Реализация планов по пересмотру военно-стратегических разработок и соответствующему реформированию вооруженных сил США, конечно, не является панацеей в решении политических проблем. Более того, даже если реформы дадут ожидаемые результаты, это одновременно создаст дополнительные риски. Первая их группа связана с тем, что реальная возможность побеждать противника с минимальными издержками будет превращать войну из крайнего средства в наиболее предпочтительный метод политики США, тем самым подталкивая к возможно и неоправданному применению силы, последствия которого, как отмечалось ранее, могут быть непредсказуемы.

Вторая категория рисков состоит в том, что само по себе военное превосходство не является абсолютной гарантией безопасности. Пример тому – не только проблема предотвращения атак террористов, но и ситуация, когда достаточно сильный противник на поле боя не намерен капитулировать, несмотря на большие потери. И наконец, третьей опасностью, связанную с отрывом США в военной области от всех других государств, можно сформулировать следующим образом. Страна, все более полагающаяся на возросшую собственную мощь, может в перспективе утратить своих традиционных союзников, тогда как число ее врагов, напротив, будет возрастать [Ку-

gler, Binnendijk, 2002, p. XXX–XXXI]. Подобная тенденция уже проявилась при подготовке и проведении военной операции против репрессивного режима Хусейна в Ираке в 2003 г., усилившей антиамериканские настроения не только в мусульманских, но и в других странах, включая государства–члены НАТО. Резкое возрастание внешнеполитических обязательств также способно привести к эффекту "перенапряжения сил", а в конечном счете – к ослаблению американского влияния в мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гриняев С. Эффект бабочки: философия войн XXI в. по-американски // Независимое военное обозрение. 2003. № 40.
- Клаузевиц К. О войне. М., 1997.
- Комов С.А. О способах и формах ведения информационной борьбы // Военная мысль. 1997. № 4.
- Ловцов Д.А., Сергеев Н.А. О проблеме "организационного оружия" // Военная мысль. 1999. № 1.
- Мясников В. В Багдаде не спокойно, а будет еще хуже // Независимое военное обозрение. 2003. № 40.
- Пирумов В.С., Родионов М.А. Некоторые аспекты информационной борьбы в военных конфликтах // Военная мысль. 1997. № 5.
- Boyer P., Wood R. Strategic Transformation and Naval Power in the 21th Century. Newport (R.I.), 1998.
- Cohen W. Report of the Quadrennial Defense Review. Washington, 1997.
- Collins J. Special Operation Forces: an Assessment. Washington, 1996.
- Cooper J. Applying Information Technologies to Low-Intensity Conflicts: "A Real-Time Information Shield" Concept. Arlington (Va), 1992.
- David S. The Primacy of Internal War // International Relations Theory and the Third World. New York, 1998.
- Evera S. van. Causes of War: Power and Roots of Conflict. Ithaca (N.Y.), 1999.
- Gnessoto N. Reacting to America // Survival. 2002–2003. Vol. 44, № 4.
- Hassner P. The United States: the Empire of Force, Force for Empire? // Caillot Paper 54. Paris, 2002.
- Holsti K. The State, War, and the State of War. New York, 1996.
- Interview with Kenneth Waltz by Jeremy Goldberg and Parag Khama // Georgetown Journal of International Affairs. 2000. Vol. 1. № 1.
- Kaldor M. New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era. Stanford (Cal), 1999.
- Kolodzei E., Kanet R. Coping with Conflict after the Cold War. Baltimor–London, 1996.
- Kugler R., Binnendijk H. Choosing a Strategy // Transforming America's Military. Washngiton, 2002.
- Lambeth B. The Transformation of American Airpower. Ithaca (N.Y.), 2000.
- Levite A., Sherwood-Randall E. The Case for Discriminate Force // Survival. 2002–2003. Vol. 44. № 4.
- Luttwak T. Toward Post-Heroic Warfare // Foreign Affairs. 1995. May–June.
- MacGregor D. Command and Control for Joint Statagic Action // Digital War: a View from the Front Lines. Novato, 1999.
- McInnes C. Spectator-Sport War: the West and Contemporary Conflict. Boulder (Col), 2002.
- Mueler J. Retreat from Doomsday: the Obsolence of Major War. New York, 1989.
- O'Hanlon M. Technological Change and the Future of Warfare. Washington, 2000.
- Pape R. Bombing to Win: Air Power and Coercion in War. Ithaca (N.Y.)–London, 1996.
- Prins G. The Heart of War: on Power, Conflict and Obligation in the Twenty-First Century. London–New York, 2002.
- Sivard R. World Military and Social Expenditures 1993. Washington, 1993.
- Snow D. Uncivil Was: International Security and the New Internal Conflicts. Boulder (Col), 1996.
- Strategic Assessment 1999: Priorities for a Turbulent World. Washington, 1999.
- Thomas T. Russian Views on Information-Based Warfare. Fort Leavenworth, 1996.
- Waltz K. Toward Nuclear Peace // The Use of Force: Military Power and international Politics. New York–London, 1981.
- Waltz K. Nuclear Myth and Political Realities //American Political Science Review. 1990. Vol. 84. № 3.
- Wijk R. de. The Limits of Military Power // The Washington Quarterly. 2002. Vol. 25. № 1.